

Казус Буратино как проявление антропоцентризма права интеллектуальной собственности

Аннотация. В статье с позиций общей теории авторства рассматриваются некоторые проявления антропоцентризма в праве интеллектуальной собственности (ИС), в том числе в связи с развитием нейроиформационных технологий.

Прослеживается парадоксальность доминирующих представлений о нематериальной природе объектов ИС и делается вывод о соединении в них информационной природы и творческого начала, имманентно присущего только деятельности человека. Обосновывается отнесение прав авторства (в широком смысле) к правам человека. Анализируется авторское творчество как деятельность, мотивированная нематериальными (моральными) и материальными (имущественными) интересами, свойственными только человеку. Предлагается оригинальная классификация прав ИС: а) авторские права (в отношении произведений, изобретений, промышленных образцов, селекционных достижений и т.д.); б) исполнительские права (в отношении результатов исполнительской деятельности); в) продюсерские или предпринимательские права (в отношении аудиовизуальных произведений, фонограмм, баз данных, вещания телерадиокомпаний, средств индивидуализации, произведений, обнародованных после их перехода в общественное достояние, и т.д.).

Ключевые слова: антропоцентризм, авторство, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, творчество, нейроиформационные технологии, нейроправо

DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.141-151

Михаил Александрович ФЕДОТОВ,

директор Международного научно-образовательного центра

«Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам»

НИУ «Высшая школа экономики»,

доктор юридических наук, профессор,

заслуженный юрист РФ, Чрезвычайный

и полномочный посол mfedotov@hse.ru

109028, Россия,

г. Москва, Большой

Трёхсвятительский пер., д. 3

Mikhail A. FEDOTOV,

*Director of the International Scientific and Educational Center
"UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights"
at the National Research University "Higher School of Economics",*

Dr. Sci. (Law), Professor,

*Honorable Lawyer of the Russian Federation,
Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary*

mfedotov@hse.ru

3, per. Bolshoy Treohsvyatitelskiy, Moscow, Russia, 109028

Buratino' Case as a Manifestation of Anthropocentrism of Intellectual Property Law

Abstract. *The article examines certain manifestations of anthropocentrism in intellectual property (IP) law from the standpoint of the general theory of authorship, including in connection with the development of neuro-information technologies.*

The article traces the paradoxical nature of the dominant ideas about the intangible nature of IP objects and concludes that they combine the information nature and the creative principle inherent only in human activity. It substantiates the attribution of authorship rights (In a broad sense) to human rights. Author's creativity is analyzed as an activity motivated by intangible (moral) and material (property) interests inherent only to humans. The following classification of IP rights is proposed: a) authors' rights (In relation to works, inventions, industrial designs, selection achievements, etc.), b) performers' rights (In relation to the results of performing activities), c) producer or entrepreneurial rights (In relation to audiovisual works, phonograms, databases, broadcasting of television and radio companies, means of individualization, works made public after their transition to the public domain, etc.).

Keywords: *anthropocentrism, authorship, intellectual property, artificial intelligence, creativity, neuro-information technologies, neuro law*

— Неплохая вещь, — сказал сам себе
Джузеппе, — можно смастерить из него
что-нибудь вроде ножки для стола...
Джузеппе надел очки, обмотанные
бечевкой, — так как очки были тоже
старые, — повертел в руке полено и начал его
тесать топориком. Но только он начал тесать,
чей-то необыкновенно
тоненький голосок пропищал:
— Ой-ой, потише, пожалуйста!
А. Толстой. «Золотой ключик, или
Приключения Буратино»

Одной из констант в сфере интеллектуальной собственности (ИС) является антропоцентризм, проявляющийся в том, что только творческий труд человека может быть источником охраняемого правом результата интеллектуальной деятельности. Признавая субъектом творчества только человека, культура неизменно очеловечивает всех персонажей — от античных и других языческих богов до сказочных колобков, избушек на курьих ножках и прочей живности: все они говорят «человеческим голосом», им ведомы человеческие чувства (страх, ненависть, любовь и т.д.), у них есть свобода воли, т.е. они вполне субъектны. Однако вся их субъектность не более чем результат творческого воображения человека.

Напротив, Буратино сначала «существует внутри полена» независимо от воображения старого столяра Джузеппе и его друга шарманщика Карло, решившего выстругать из подаренного ему полена деревянную куклу. Из того, что процесс вырезывания ножом не сопровождался криками боли, можно сделать вывод, что Карло действовал по методу Микеланджело Буонарроти: «Я видел ангела в куске мрамора. И резал камень, пока не освободил его». Следовательно, Карло сделал деревянную куклу не такой, какой хотел, а такой, какой он ее *увидел*. Иными словами, Буратино сначала существовал как некий латентный субъект, затем — как трехмерное произведение папы Карло в форме *мысленного образа*, и в конечном счете — в объективной форме деревянной куклы.

Обретение объективной формы как процесс. Прогресс нейроинформационных технологий уже в обозримом будущем может сделать *мысленный образ* видимым не только творцу, но и постороннему наблюдателю, из чего следует, что юридический факт обретения произведением объективной формы может сместиться в сферу творческого воображения. Неминуемо должно будет измениться и понятие свободы творчества. Как отмечает член-корреспондент РАН Ю. М. Батурин, «сегодня мы приблизились к такому уровню развития нейроинформационных технологий, который начинает становиться опасным, а потому требует соответствующего правового регулирования и ограничений... Будущее, где мысли и воспоминания, подсознательные эмоции и сознательные намерения человека могут быть обнаружены без каких-либо правовых ограничений, вызывает серьезную тревогу. От того, сохраним ли мы неприкосновенную ментальную

сферу или нет, зависит, каким обществом мы станем. Более того, от этого зависит, каким будет человек»¹.

Чтобы понять парадоксальность ситуации, проведем мысленный эксперимент. Предположим, что некое 3-мерное произведение изобразительного искусства погибло в результате пожара. При этом не сохранилось ни одной 3-D и даже 2-D копии, однако есть полученная с помощью нейроинформационных технологий цифровая запись *мысленного образа, существовавшего в воображении автора*. Сможем ли мы в этой ситуации утверждать, что произведение продолжает существовать в объективной форме, если оно превратилось в набор нулей и единиц, поскольку все цифровые технологии построены на двоичной системе счисления? Да, сможем, если признаем исключительно *информационную природу* объектов ИС и поймем утверждение Воланда о том, что рукописи не горят — в смысле закона сохранения информации.

Можем ли мы в этом случае утверждать, что флешка, на которой сохранена вся информация о мысленном образе произведения, является тем материальным носителем (вещью), в котором «выражен» объект ИС, как того требует ч. 1 ст. 1227 ГК РФ? Видимо, нет. Более корректным представляется вывод, что флешка является материальным носителем, в котором *сохранена* информация как об объекте ИС, так и о материальном носителе, в котором он был *воплощен*. И эта информация позволяет *воссоздать* объект ИС путем его *воплощения* в той или иной форме. Наглядный пример такого *воплощения* дает нам эпизод из фильма «Пятый элемент», когда по сохранившемуся фрагменту неживой материи воссоздается этот недостающий для спасения цивилизации «элемент» в форме прекрасной инопланетянки в исполнении Миллы Йовович.

При этом мы ведем речь не об информации вообще, а исключительно об антропогенной информации. Как справедливо отмечает Р. А. Будник, «результаты интеллектуальной деятельности по исходному материалу и способу производства являются ничем иным как информацией, некоторой частью информационного континуума, порождаемого разумом человека, информационными объектами»².

Следуя в русле этих рассуждений, мы приходим к выводу о соединении в любом объекте ИС информационной природы и творческого начала, которое, естественно, связано исключительно с деятельностью человека. Впрочем, понятие «человек» в данном контексте может означать не только индивидуальную личность, но и многотысячные коллективы и даже местные общины, племена и т.д.³

Права автора как права человека. Представление о том, что права автора (в широком смысле)⁴ относятся к правам человека, достаточно укоренилось в

¹ Батурич Ю. М. Нейроцензура против когнитивной свободы // Труды по интеллектуальной собственности. 2020. № 3–4. Т. 36. С. 21.

² Будник Р. А. Результат интеллектуальной собственности как информационный феномен // Труды по интеллектуальной собственности. 2012. № 1. Т. 10. С. 58–59.

³ Sikoyo George M., Nyukuri Elvin and Wakhungu Judi W. Intellectual property protection in Africa: status of laws, research and policy analysis in Ghana, Kenya, Nigeria, South Africa and Uganda — African Centre for Technology Studies, 2016. P. 12 // URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep00103.5> (дата обращения: 15.11.2024).

⁴ Во Всемирной декларации по интеллектуальной собственности, принятой ВОИС в 2000 г., термин «автор» означает «любое лицо или группу лиц, действующих независимо

юриспруденции и получило закрепление в ряде документов международного права. ВОИС доводит правочеловеческое понимание природы прав ИС до логической полноты, заявляя во Всемирной декларации по интеллектуальной собственности 2000 г., что «термин “права интеллектуальной собственности” означает, по существу, права, закрепленные в статье 27 Всеобщей декларации прав человека».

Такое понимание полностью соответствует тому месту, которое уготовано для прав ИС в Конституции РФ 1993 г. И это место — в системе прав и свобод человека и гражданина. Часть 1 ст. 44 Конституции РФ гласит: «Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом». Систематическое толкование позволяет нам сделать из соседства этих двух норм в континууме конституционного текста следующие выводы. Во-первых, охрана ИС относится к правам человека, а не к правам гражданина, о чем нам говорит слово «каждый». Во-вторых, она привязана исключительно к свободе творчества и преподавания.

Представляется, что такая конструкция ч. 1 ст. 44 обедняет реальное содержание конституционного института охраны ИС, поскольку он непосредственно связан не только со свободой творчества и преподавания, но также с правом на участие в культурной жизни и пользованием учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Вот почему логичнее было бы поместить второе предложение ч. 1 ст. 44 Конституции РФ в качестве отдельной части данной статьи, тем самым подчеркнув, что сочетание этих прав человека составляет основу баланса интересов правообладателей и пользователей, авторов и общества. Нарушение баланса означает ущемление прав либо писателя, либо читателя и т.д.

Данная юридико-логическая конструкция прослеживается и в части первой ГК РФ, где права ИС поставлены в один ряд с другими нематериальными благами, включающими, как сказано в п. 2 ст. 2 ГК РФ, «неотчуждаемые права и свободы человека», принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона (ч. 1 ст. 150 ГК РФ). Разумеется, к нематериальным благам не может быть отнесено *исключительное право* в отношении объекта ИС, поскольку оно носит имущественный характер. Но, если мы примем за основу, что *исключительное право производно от права авторства* (в широком смысле), то противоречие снимается.

Аргументацию в пользу объединения прав человека с правами ИС в общую классификационную группу — исключительные права — можно найти, в частности, в трудах В. А. Дозорцева. В его знаменитой схеме исключительных прав «особую группу составляют права и свободы человека»⁵. При этом В. А. Дозорцев

или под эгидой какой-либо правительственной или неправительственной организации с целью получения прибыли или по каким-либо другим основаниям, ответственных за творчество в любой области, включая науку и технику, искусство, включая исполнительское искусство и результат деятельности некоторых категорий производителей, таких как производители фонограмм и вещательные организации, товарные знаки, указатели деловых предприятий, промышленные образцы и развитие географических указаний» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие; система; задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2003. С. 22—23.

подчеркивает, что интеллектуальная собственность закрепляет «права человека и гражданина на результаты деятельности, в которых проявляется его личность»⁶.

Сравнение конституционных норм об охране ИС с международно-правовыми актами о правах человека показывает высокую степень их соответствия. Напротив, сравнение их с международно-правовыми актами в области ИС, как и с опирающимися на них нормами четвертой части ГК РФ, демонстрирует наличие весьма существенных различий.

Во-первых, Конституция РФ относит охрану прав ИС к правам человека. Напротив, Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений, как и ГК РФ, допускает принадлежность прав ИС не только автору-человеку, но и юридическому лицу. Аналогичная позиция содержится в Парижской конвенции по охране промышленной собственности, которая вообще не упоминает об авторе: для нее существует лишь заявитель, которым может быть как физическое, так и юридическое лицо. Как отмечал А. А. Пиленко, «в области патентного права нормы пребывают на более грубом уровне: материальные, денежные интересы изобретателя — вот все, что они охраняют. Пожелание Rathke, высказанное на Первом патентном конгрессе (6 августа 1873 г.), чтобы во всяком патенте указывалось имя подлинного изобретателя, — было признано проявлением похвального, но слишком тонкого для современного права пиетета»⁷.

Во-вторых, Конституция РФ, используя термин «каждый», гарантирует охрану ИС любому человеку. Согласно же Бернской конвенции, как и четвертой части ГК РФ, охрана прав ИС может зависеть от гражданства автора. Так, произведения, обнародованные за пределами России, охраняются только в том случае, если автор — гражданин РФ. Сходные правила содержатся в Парижской конвенции.

В-третьих, права ИС в качестве прав человека «неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ), тогда как с точки зрения обеих указанных конвенций, как и четвертой части ГК РФ, эти права охраняются только в том случае, если это предусмотрено национальным законодательством и налицо соответствующий закону юридический факт: для авторского права это создание произведения, для патентного — получение патента и т.д. Иными словами, если в законе не упомянуты научные открытия или рационализаторские предложения, то они не считаются объектами ИС и им правовая охрана не предоставляется.

Творчество как безальтернативный источник ИС. Следующий момент, который подчеркивает антропоцентризм права ИС, касается понятия творчества и его мотивов. Как следует из диспозиции ст. 1228 ГК РФ, именно и только *творческий труд человека* является источником создания результата интеллектуальной деятельности. При этом законодатель никак не определяет, что следует понимать под творчеством. В результате Пленум Верховного Суда РФ вводит *презумпцию творческого труда*⁸, исток которой коренится в ст. 15 (1) Бернской конвенции,

⁶ Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 220.

⁷ Пиленко А. А. Права изобретателя (привилегии на изобретения и их защита в русском и международном праве) : историко-догматическое исследование. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1902. Т. 1. С. 15—16.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 80 // СПС «КонсультантПлюс».

согласно которой для подтверждения авторства достаточно — при отсутствии доказательств противоположного, — чтобы имя автора было указано на произведении (или на экземпляре произведения — ст. 1257 ГК РФ) обычным образом. По точно такой же схеме п. 6 ст. 1262 ГК РФ выстраивает презумпцию достоверности сведений, внесенных при регистрации в Реестр программ для ЭВМ, хотя, как отмечает Л. А. Новоселова, «Роспатент не проверяет, соответствуют ли действительности представленные данные об авторе и правообладателе, и не может отказать в регистрации по мотиву несоответствия их фактическому положению дел»⁹.

Получается, что проставление имени физического лица на оригинале или копии манускрипта либо на заявке в патентное ведомство является доказательством авторства в отношении результата творческой деятельности. Но создает ли презумпция действительности сведений презумпцию творчества?

Сложность использования имеющихся в действующем законодательстве презумпций заключается, во-первых, в том, что «отсутствует исчерпывающий перечень доказательств авторства»¹⁰. Во-вторых, факт создания некоего объекта конкретным лицом еще не доказывает творческий характер его деятельности. Например, наличие необработанной фотографии еще не доказывает, что налицо не «простая фотография», а именно *фотографическое произведение*.

В отсутствие ясных указаний законодателя суды вынуждены собственными силами выявлять признаки творчества. Так, Суд по интеллектуальным правам видит эти признаки, помимо прочего, в установке выдержки затвора и настройке диафрагмы¹¹. Представляется, что такой подход возможен, но должен быть дополнен рассмотрением объекта исследования с точки зрения восприятия его пользователем. Например, если редакция газеты сочла возможным опубликовать присланную читателем фотографию, значит, она признала ее произведением независимо от того, устанавливалась диафрагма вручную или автоматически.

Современное осмысление феномена творчества связано с развитием широкого междисциплинарного исследования в области эпистемологии, оперирующего такими категориями, как: одаренность, оригинальность, фантазия, интуиция, воодушевление, техническое изобретение, научное открытие, произведение искусства, инновационная деятельность вообще. «Однако, — признает член-корреспондент РАН И. Т. Касавин, — сам термин при этом не достигает строгости научного понятия... При этом учитывается, что в разных культурах и исторических эпохах оценки творческого акта и результата колеблются между противоположностями»¹².

⁹ Новоселова Л. А. Государственная регистрация программ для ЭВМ: модель будущего авторского права? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 64—65.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 110 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См., например: постановления Суда по интеллектуальным правам от 03.02.2022 по делу № А57-213/2021 ; от 28.03.2023 по делу № А56-68029/2022 ; от 20.01.2023 по делу № А32-15681/2022 ; от 03.07.2023 по делу № А56-89706/2022 ; от 31.05.2023 по делу № А63-10133/2022 ; от 26.09.2022 по делу № А56-105939/2021.

¹² Касавин И. Т. Познание и творчество // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 24. № 2. С. 7—8.

По мнению академика РАН В. А. Лекторского, творчество относится к той разновидности человеческой деятельности, которая исходит из внутренней свободы человека. Он признает, что «можно создавать более или менее благоприятные условия для развития науки или искусства. Но управлять ими нельзя. Как и ценностями, которые человек принимает или нет. Но действует он в соответствии с ними только на основе внутренней свободы»¹³.

Если попытаться применить данный подход к проблеме «творчества искусственного интеллекта», то становится понятно, что некоторые ценностные ориентиры можно заложить в алгоритмы, однако свободы творчества достичь не удастся. Более того, технологии ИИ, призванные вывести человека на новые горизонты творчества и обещающие даже «цифровое бессмертие», таят угрозы самоуничтожения человека. «Человек, который считал, что с помощью искусственного интеллекта он будет управлять миром, — пишет В. А. Лекторский, — на самом деле становится управляемым с помощью этого интеллекта. Тем самым такой человек превращается из Бога, демиурга Вселенной, в раба, поскольку искусственный интеллект лучше знает, что нужно такому человеку»¹⁴.

Правоведы при осмыслении феномена творчества обычно ограничиваются рассмотрением побудительных мотивов к созданию результата творческой деятельности. Так, Г. Ф. Шершеневич отмечал, что, с одной стороны, «интеллектуальный труженик побуждается к своей работе внутренними стимулами, вытекающими из его духовной потребности, но не материальными соображениями», а с другой, — «экономическое основание авторского права заключается в необходимости предоставления литературному труженику материального обеспечения его существования» при том понимании, что «авторы склонны к безграничному расширению пределов юридической защиты своих имущественных интересов» путем увеличения сроков правовой охраны произведений¹⁵. Примерно в том же духе рассуждал А. А. Пиленко, утверждая, что «изобретение есть прежде всего способ доказать свою талантливость и выдвинуться из безличной толпы»¹⁶.

Как видим, представления о том, что побуждает человека творить в науке, искусстве, литературе, технике и т.д., ограничиваются, как правило, нематериальными и сугубо имущественными интересами, потребностями. Если первые весьма разнообразны и возвышенны (самовыражение, самоутверждение, самореализация, благотворительность, конкуренция, религиозные убеждения, стремление к истине, красоте, социальной справедливости, уподобиться Творцу и т.д.), то вторые, напротив, утилитарны.

Как отмечает Эдвин Хеттингер, существует разрыв между естественным правом владеть и лично использовать свои интеллектуальные творения и правами, защищенными законодательством об ИС: «Естественное право автора лично использовать свои произведения отличается от права, защищенного авторским

¹³ Лекторский В. А. Наука. Технологии. Человек // Социология. 2015. № 4. С. 77.

¹⁴ Лекторский В. А. О философских проблемах искусственного интеллекта и когнитивных исследований // Философские науки. 2021. Т. 64. № 1. С. 11.

¹⁵ Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 3, включая Авторское право на литературные произведения / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2017. С. 10, 152, 20.

¹⁶ Пиленко А. А. Указ. соч. С. 12.

правом, обнародовать свою работу, продавать ее на рынке, а затем препятствовать другим делать копии. Естественное право изобретателя использовать изобретение для собственной выгоды не то же самое, что право, защищенное патентом, продавать это изобретение на рынке и не допускать других (включая независимых изобретателей) к его использованию»¹⁷.

При этом, по мысли Э. Хеттингера, права собственности на созданный объект ИС — не единственная возможная выгода для автора: «Права собственности на созданный интеллектуальный объект не являются подходящей наградой, если его создатель их не хочет. Для многих творческих работников создание прекрасных произведений и открытие истин становятся самоцелью. Соответствующей наградой в таких случаях является признание, благодарность и, возможно, государственная финансовая поддержка, а не полноценные права собственности, поскольку эти авторы не хотят исключать других из своих творений»¹⁸.

Возможны противоречия между моральными и имущественными интересами автора, а также между интересами автора, с одной стороны, и интересами пользователя, общества в целом — с другой. И эти противоречия будут неизбежно нарастать, если законодатель абстрагируется от антропоцентризма права ИС, от его правочеловеческой основы, от понимания того, какие социальные цели преследует правовая охрана. На эту опасность обращал внимание, в частности, Уильям Корниш в книге «Интеллектуальная собственность: вездесущая, отвлекающая, неактуальная?», в которой характеризовал резкий рост объема патентуемых объектов как «быстро распространяющуюся сыпь, особенно в области новых технологий, угрожающую оставить лишь несколько участков незапятнанной, открытой кожи»¹⁹.

На вред, наносимый так называемыми «патентными троллями», обращает внимание и Питер Мэггс, указывая на тот факт, что огромные патентные портфели (например, 80 000 неистекших к 2021 г. патентов Samsung) «создают серьезный барьер для входа на рынок для небольших стартап-компаний, которые часто лидируют в технологических достижениях. Стартапам придется тратить большие суммы первоначального капитала на оплату дорогостоящих юристов, которые будут сопровождать их на патентном минном поле»²⁰.

Итак, сформулируем некоторые предварительные итоги наших рассуждений:

- 1) права автора входят в единую систему международно признанных и конституционно гарантированных прав человека;
- 2) авторское творчество мотивируется нематериальными (моральными) и материальными (имущественными) интересами, свойственными только человеку;
- 3) формула авторского творчества включает, помимо прочего, такие компоненты, как воображение, замысел, одаренность, оригинальность, фантазия,

¹⁷ *Hettinger Edwin C.*, Justifying Intellectual Property // *Philosophy & Public Affairs*, Winter, 1989. Vol. 18. No. 1. P. 40.

¹⁸ *Hettinger Edwin C.* Op. cit. P. 41.

¹⁹ *Cornish William.* Intellectual Property: Omnipresent, Distracting, Irrelevant? Oxford : Oxford University Press, 2004.

²⁰ *Maggs P. B.* The Future of Intellectual Property Law // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Vol. 40 (1). P. 62.

интуиция, воодушевление, озарение, стремление быть понятым аудиторией, свойственные только *человеку*;

- 4) общность правочеловеческой природы результатов творческой деятельности и средств индивидуализации, обоснованная в рамках общей теории авторства,²¹ позволяет объединить их в единую систему прав ИС, включающую, во-первых, *авторские права* (в отношении произведений, изобретений, промышленных образцов, селекционных достижений и т.д.), во-вторых, *исполнительские права* (в отношении результатов исполнительской деятельности) и, в-третьих, *продюсерские или предпринимательские права* (в отношении аудиовизуальных произведений, фонограмм, баз данных, вещания телерадиокомпаний, средств индивидуализации, произведений, обнародованных после их перехода в общественное достояние, и т.д.).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батурин Ю. М. Нейро-цензура против когнитивной свободы // Труды по интеллектуальной собственности. — 2020. — Т. 36. — № 3–4. — С. 5–23.
2. Будник Р. А. Результат интеллектуальной собственности как информационный феномен. // Труды по интеллектуальной собственности. — 2012. — Т. 10. — № 1. — С. 57–63.
3. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие; система; задачи кодификации : сборник статей / Исследовательский центр частного права. — М. : Статут, 2003.
4. Касавин И. Т. Познание и творчество // Эпистемология и философия науки. — 2010. — Т. 24. — № 2. — С. 5–16.
5. Лекторский В. А. Наука. Технологии. Человек // Социология. — 2015. — № 4. — С. 75–77.
6. Лекторский В. А. О философских проблемах искусственного интеллекта и когнитивных исследований // Философские науки. — 2021. — Т. 64. — № 1. — С. 7–12.
7. Новоселова Л. А. Государственная регистрация программ для ЭВМ: модель будущего авторского права? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 1. — С. 62–71.
8. Пиленко А. А. Права изобретателя (привилегии на изобретения и их защита в русском и международном праве) : историко-догматическое исследование. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1902. — Т. 1.
9. Федотов М. А. Введение в концепт общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). — 2023. — Т. 46. — № 3. — С. 38–75.
10. Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 3, включая Авторское право на литературные произведения / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. — М. : Статут, 2017.

²¹ См.: Федотов М. А. Введение в концепт общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 46. № 3. С. 38–75.

11. *Cornish William*. Intellectual Property: Omnipresent, Distracting, Irrelevant? — Oxford : Oxford University Press, 2004.
12. *Hettinger Edwin C*. Justifying Intellectual Property // Philosophy & Public Affairs. — Winter, 1989. — Vol. 18. — No. 1.
13. *Maggs P. B*. The Future of Intellectual Property Law // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). — 2022. — Т. 40 — № 1. — С. 60—69.
14. *Sikoyo George M., Nyukuri Elvin and Wakhungu Judi W*. Intellectual Property Protection in Africa: Status of laws, research and policy analysis in Ghana, Kenya, Nigeria, South Africa and Uganda — African Centre for Technology Studies, 2016. P. 12 // URL: <http://www.jstor.com/stable/resrep00103.5> (дата обращения: 15.11.2024).

